

УДК 9(571.54/.55)

Работы по организации охраны и картографирования территорий, разграниченных между Российской империей и цинским Китаем по условиям Нерчинского договора (1689 г.) и Кяхтинского (Буринского) трактата 1727 г.

А. В. Постников

*Институт истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова Российской академии наук, г. Москва*

Аннотация. В первые десятилетия XX в. значительное и заслуженное внимание уделялось вопросам истории русского казачества Забайкалья и его роли в охране государственной границы нашей Родины. Среди публикаций по этой теме следует упомянуть работы А. Р. Артемьева, А. С. Зуева, Н. Н. Смирнова, В. П. Трута, Ю. Л. Касьянова. Участие регулярных армейских частей в охране границы исследовано в статье А. В. Дмитриева. С учетом достижений этих авторов мы на основе своих архивных изысканий рассматриваем в предлагаемой статье некоторые до настоящего времени недостаточно исследованные аспекты многотрудной деятельности забайкальского казачества и регулярных войск, связанные с географическим изучением и картографированием приграничья.

Ключевые слова: охрана границы, Кяхта, казачье войско, картографирование приграничных территорий.

В русском тексте Нерчинского договора было указано, что границу следует вести по Аргуни до самых вершин. В маньчжурском и более поздних китайских текстах трактата о вершинах Аргуни вообще не упоминается; это очень существенное положение русского текста договора не было передано на других языках при составлении трактата, чем воспользовались цинские власти, начав заселять территории в верховьях Аргуни.

В конце первой четверти XVIII в., когда назрела необходимость значительного расширения русско-китайской торговли и ликвидации в связи с этим спорных территориальных вопросов, проблема земель, лежащих вокруг истоков Аргуни, стала актуальной. Русское правительство использовало вступление на престол в Китае нового императора Юн-чжена и направило в июне 1725 г. к нему с поздравлением чрезвычайное и полномочное посольство во главе с князем Саввой Лукичом Владиславичем-Рагузинским (о Рагузинском см. [14]), имевшим одновременно задачу договориться с Цинами о русско-китайском разграничении к западу от Аргуни и о налаживании торговли. «Территориальная часть» переговоров оказалась наиболее трудной, длилась более двух лет и закончилась подписанием 21 октября 1727 г.

Кяхтинского (Буринского) трактата. В угоду интересам торговли Россия пошла на уступки Китаю, не востребовав возвращения земель по среднему и нижнему течению Амура (подробнее о договоре и его последствиях см. [16]).

До заключения Кяхтинского (Буринского) трактата охрана русско-китайской границы, по сути дела, не была организована [24, л. 2 об.]. Граф Владиславич-Рагузинский лично принимал активное участие в первоначальном обустройстве и организации охраны новой границы. Детально история этих работ исследована С. А. Гурулевым [8], разработки которого нами использованы. В частности, Гурулевым было установлено, что в подробной инструкции Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского пограничному дозорщику Г. Фирсову предписывалось проводить ежегодные «объезды пограничных маяков (как правило, в виде пирамид из камней или бревен) в летнее время, с мая месяца по октябрь, осматривать маяки и которые развалились починивать, а которые малы, оных прибавлять, дабы все были на примере равномерны величиною, на что дается тебе из казны... шесть железных лопаток и шесть топоров... надлежит тебе всяким образом трудиться свитою по оным по горам чинить разезд по границе и маяки починивать для предков» (цит. по [8]).

По линии границы протяженностью более трех тысяч верст, от Аргуни на востоке до верховий Абакана на западе, было учреждено 30 караулов. Как правило, это были стоянки местных жителей (бурят, тунгусов, тувинцев) из 5–10 юрт, поселенных вблизи маяков временно, «до указу». Эти временные поселения сохранялись десятилетиями, пока не были заменены постоянными караулами. Вся граница была разделена на две линии: Восточную (к востоку от Кяхты) и Западную (к западу от Кяхты). Надзор за границей и караульной службой С. Л. Владиславич поручил, введя должности пограничных дозорщиков, членам своего посольства: на Восточной линии – селенгинскому дворянину Григорию Фирсову, на Западной – иркутскому сыну боярскому Анисиму Михалёву. В подчинении у Г. Фирсова были толмач Степан Кобей, за писаря Иван Мангир, служилые люди для рассылок – Иван Разгильдеев, Алексей Цыгенов, Савва Лесков. В подчинении А. Михалёва указывается только селенгинский служилый человек толмач Григорий Волгарь. Пограничные дозорщики Г. Фирсов и А. Михалёв подчинялись генеральному пограничному правителю, начальнику вновь созданного в Селенгинске Пограничного правления полковнику И. Д. Бухольцу (Бухгольц; возможные варианты кириллического написания – Буххольц и Бухальце – Iwan Buchholtz; 1671–1741 гг.).

Среди маяков были выделены главные – в Кяхте и Цурухайтуе. В Кяхте маяк был в ведении капитана Тобольского полка Федора Княгинина (Княгинкина), в Цурухайтуе – капитана того же полка шведа Михаила Шкадера. О кяхтинском маяке Г. Ю. Клапрот в 1805 г. писал: «С каждой стороны построено по особому маяку; на них изображены на Русском и Монгольском языках надписи и нумера с означением места, где они стоят, чтоб их не можно было сдвинуть. Первые и важнейшие столпы находятся на дороге, ведущей из Сибири в Монголию и Китай, на правом берегу ручья Кяхты, в

10 верстах от речки Буры, на невысоком холме, против самого того места, где впоследствии построена Кяхтинская слобода. На Русском маяке поставлен деревянный крест с надписью: “Курган сочиненного разграничения между Российской и Китайскою Империями. 1727 Августа 20 дня”» (цит. по [8]). При кяхтинском маяке по инструкции С. Л. Владиславича была вскоре построена торговая слобода с гостиным двором. В отношении гостинного двора графом давались особые указания тому же Ф. Княгинину: «А в оной инструкции в 2-м пункте написана чтоб на Кяхте в торговой слободе на самой середине крепости, построить неболшей гостиный двор длиною по обе стороны шестнатцеть сажень шириною по три сажени, таким образом чтоб на низ установились дватцеть четыре лавки а на веру сколко амбаров, для угоды купечеству сиречь по двенатцети на стороне, мерою по полторы сажени внутри, а пред лавками б были хоры, дабы можно во время погоды ходить покрыть, а ворота были двои, одни против других по линее, шириною в две сажени, а гостиный двор был бы широк на пример земли от стены до стены восем сажень. Что положено на его Княгинина рассуждение» [7]. Первый камень при строительстве Кяхтинской слободы был заложен лично Владиславичем в торжественной обстановке в присутствии представителей обеих сторон. На другой стороне границы китайская сторона основала свою торговую слободу, названную «Хиагт маймаачин» (Торговая слобода), позднее – Маймаачен (ныне город Алтан-Булак Селенгинского аймака Монголии) [2]. Кяхтинская слобода строилась силами служилых людей Тобольского полка, пришедшего в Забайкалье из Тобольска под руководством полковника И. Д. Бухольца, а не солдатами сформированного тремя десятилетиями позже Якутского полка, как это иногда утверждается [2]. К осени 1728 г. в слободе были поставлены 32 избы для купцов, гостиный двор, амбары; в 4 км от нее была отстроена Ново-Троицкая крепость, сразу же переименованная в г. Троицкосавск, в названии которого слились воедино вторая часть названия крепости и личное имя посла Саввы Л. Владиславича-Рагузинского.

Штатным дозорщикам, при сохранении прежнего хлебного жалованья, устанавливались новые денежные оклады. Так, денежный оклад был определен Г. Фирсову в 30 руб. в год, толмачу – в 15 руб., всем остальным сотрудникам – по 10 руб. в год каждому (об окладах А. Михалёва и Г. Волгаря сведений нет).

Дозорщику А. Михалёву предписывалось также вершить судебные тяжбы и разбирательства среди бурят, охранявших границу: «И когда дело малое, судить бы каждого рода своему начальнику, а когда побольше, то выбирать от трех родов по два начальника, всего шесть человек, и чем оные осудят, на том стоять» [10].

В 1728 г. по распоряжению С. Л. Владиславича-Рагузинского на Восточной линии были учреждены следующие пограничные караулы, ставшие со временем поселениями: Букукун, Дурулгуй, Кубухай, Кулусутай, Кыра, Мангут, Старый Цурухайтуй, Тохтор, Ульхун, Цаган-Олуй, Чиндант, позже Кайластуй в 1729 г., Менза в 1730 г. [3]; на Западной линии – Цээжинский,

Модонкульский, Шаразаргинский, Ключевской в 1728 г., позже Цакирский в 1768 г., Харацайский в 1773 г. [15].

С привлечением к охране государственной границы инородцев – бурят и тунгусов (эвенков), с возведением их в статус казаков в некоторых родах, особенно бурятских, было введено правило вручать знамена, и учреждены должности знаменщиков. Пограничная служба несколько позже сообщала, что С. Л. Владиславич «определил вам, селенгинским и нерчинским всех родов братских иноземцев зайсанам, знамена и против того определения протчих родов зайсанов по просьбе их определил помянутый граф знаменщиков, которые де действительно и обретаютца и врученные знамена содержат». Должность знаменщика почиталась высокой [4, с. 307].

Порядок службы на границе был установлен указом Иркутской канцелярии в 1731 г. [3]. Охрана границы с российской стороны осуществлялась ежедневными выездами отрядов из 10–12 чел. верхом. На границе отряд разделялся на две равные группы. Каждой группе выдавался бумажный ярлык с указанием на нем числа, месяца и года, маршрута следования, поименного состава группы. Обследовав границу, группы менялись ярлыками, а затем их сдавали заведующему караулом или в крепостях сотенному командиру. На караулах и в сотнях велись шнуровые книги, в которые записывались подробности дежурства и замеченные нарушения. В случае нарушения границы, к примеру животным, инцидент разбирался на месте с привлечением китайской стороны. На китайских постах обычно находились монголы – до 30–50 чел. на лошадях (не менее двух лошадей на караульщика), без хозяйства, в юртах, сроком на три года, тоже с ежедневными выездами на осмотр. На месте нарушения границы велись разбирательства и переговоры [24].

В 1844 г., в самом начале секретной Забайкальской экспедиции (о работе экспедиции и роли Н. Х. Агте см. [34]), её руководитель капитан Генерального штаба Н. Х. Агте (1815–1867) провел обследование границы и в своем отчете доложил, что по завершении работы посольства Рагузинского на всем пространстве от речки Горбицы до Сабинского хребта поставлены для надзора по линии 29 караулов. Сначала пограничную службу несло местное население, и лишь в 1772 г., когда граница получила название «линия» и была разделена на восемь дистанций, помимо местных, для её охраны было назначено 900 русских казаков-пограничников. С 1822 г. дистанции переименованы в сотни, а сама линия разделена на три части [35].

В этот период карты становятся документом, необходимым для обеспечения пограничной службы, и любые перестройки в организации службы непременно сопровождались картографированием, о чем свидетельствует целый ряд рукописных карт, сохранившихся в архивах и библиотеках России.

Естественно, что для местной администрации большое значение имели карты, составленные членами миссии Владиславича-Рагузинского, поэтому они многократно копировались не только в XVIII, но даже в начале XIX в. В частности, в Российском государственном военно-историческом архиве сохранилась копия середины XVIII в. карты Кушелева, Зиновьева и Валуева

под названием «Реэстр новопоставленным пограничным маякам начиная от Бургутенской сопки до вершины реки Аргуни». Копия в некоторых деталях отличается от авторских копий геодезистов посольства Рагузинского. В частности, на Аргуни, в устье реки Плоритки на карте «Реэстра новопоставленным пограничным маякам...» нанесен какой-то (видимо, китайский) пограничный столб. Изображение границы на этой карте заканчивается в верховьях р. Осащи, являющейся левым притоком Горбицы. Заметим, что пограничная река Горбица на всех детальных рукописных картах периода после Кяхтинского договора показана как левый приток Шилки, впадающий в нее выше устья Аргуни.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранится копия начала XIX в. – «Пограничная карта Российской Империи, сочиненная 728 г. геодезистами Дмитрием Баскаковым и Васильем Шатиловым, от бывшего на реке Амуре российского Албазинского острога до Конташинского владения, какова разменена при трактате с Китайским владением, данная при инструкции посла графа Саввы Владиславича Полковнику Бухальцову» [31].

Копии карт, составленных членами миссии Рагузинского, не могли целиком удовлетворить потребности пограничной администрации. Они не были достаточно детальны, да и обстановка на границе менялась, что требовало проводить новые географические исследования и картографирование приграничных территорий. С середины XVIII в. такие работы начинает осуществлять для удовлетворения своих потребностей Правление пограничных дел. Одним из ранних примеров карт, созданных Правлением, может служить «Ландкарта, учиненная в канцелярии Правления пограничных дел от маяку Боротологою до Цурухайтуйского фарпосту а от Цурухайтуйского фарпосту по течению реки Аргуни даже до поселения российского сколько имеется по ней деревень, караулов и протчаго такова где и в которых местах вновь назначены караулы всему тому значит ниже сего экспликация литерами...». Карту рисовал и тушеввал подпоручик Алексей Колесников, она отличается тщательностью исполнения и значительной нагрузкой [33]. На ней нанесены деревни, караулы, форпосты, пограничные маяки, дорожки; у Цурухайтуевского форпоста на правом берегу Аргуни показано Торговище Китайское. Масштаб карты не указан, но он явно крупнее масштаба карт Рагузинского.

Среди карт, составленных пограничным начальством на Аргунский участок границы, наиболее крупномасштабной из известных нам является «Карта границе между Российской империей и Китайским государством Нерчинского ведомства от начал реки Амура до фарпоста Токторскаго, с показанием по обе стороны близ лежащей ситуации и маяков, фарпостов и деревень, острогов и ныне вновь назначенных для укрепления мест, сочинена в 1761 г. инженер-поручиком Александром Афанасьевым в масштабе пять верст в дюйме» (1:210 000) [6]. Это была первая в ряду карт, которые многократно составлялись и копировались по заданию русского пограничного начальства в 1760–1770-х гг. Особенно интенсивные съемочные и кар-

тосоставительские работы проводились с 1772 по 1774 г. в связи с разделением пограничной линии на восемь дистанций. Среди карт дистанций может быть названа «Карта генеральная сочинена Новоцурухайтуевского фарпоста третьей дистанции начиная сверху от второй дистанцы Российского караулу Абагайтуевского вниз по границы Аргуне реке до последнего Чалбученского караулу с показанием фарпостов, караулов и деревень, маяков, с нанесением вновь построенных казарм и со всюю ситуациею 5-го дня июля 1772 г. Сочинял навигацких наук ученик Егор Теменцов» [5]. Карта имеет масштаб 8 верст в дюйме.

Помимо пограничного начальства, значительное внимание картографированию приграничных территорий Сибири в 1750–1770-х гг. уделяло центральное правительство России и сибирская администрация, которую в этот период возглавлял замечательный русский гидрограф и картограф Ф. И. Соимонов (1682–1780 гг.) (о Ф. И. Соимонове см. [13]). Активное участие в съемочных и картографических работах принимал не менее известный сын сибирского губернатора М. Ф. Соимонов (1730–1804 гг.) (о М. Ф. Соимонове см [5]).

Важную роль в географическом, картографическом и хозяйственном изучении приграничных земель сыграла организованная по поручению Правительствующего сената секретная Нерчинская экспедиция (1753–1765 гг.) (детали см. [5]). Одной из начальных целей экспедиции, планировавшейся как продолжение камчатских экспедиций, было возобновление российской навигации на Амуре и постройка в его устье порта для последующего изучения Тихого океана к востоку от Камчатки. Эту цель осуществить не удалось из-за решительного противодействия китайцев. Географические достижения Нерчинской экспедиции были, однако, значительны. Съёмками и описаниями рек и земель Нерчинского уезда во время экспедиции занимались вместе с М. Ф. Соимоновым штурманы М. Татаринов и В. Карпов, а также геодезисты М. Овцын, И. Барашов и Я. Федоров [18]. В систематизированном виде материалы Нерчинской экспедиции были собраны в Нерчинском атласе, сведения о котором имеются в автобиографии Ф. И. Соимонова. Атлас с описанием отразил особенности заселенности уезда (количество слобод, деревень, заимок), демографические данные (число жителей обоого пола душ, а мужского числом лет), распределение и местоположение земель (пахотные нераспашные, к хлебопашеству годные), лесов и сенокосов, число лошадей и другого скота у всякого жителя (по группам населения – пашенные крестьяне, разночинцы, купцы, дворяне, дети боярские, казаки) [20].

Нерчинский атлас пока не найден, но ряд картографических документов на приграничные районы Нерчинского уезда, сохранившихся в Российском государственном военно-историческом архиве, явно связан с работами Нерчинской экспедиции. К документам этого типа относятся: недатированный «План устьев Шилки и Аргуни рек и положение оных мест», подписанный Ф. И. Соимоновым и скопированный геодезистом Я. Федоровым [27]; также заверенный сибирским губернатором схематичный план реки Аргуни (1756 г.), на котором нанесены кочевья аргунских тунгусов, заводы, остроги,

дороги, пограничные караулы и маяки [30]; «Карта часть Российской империи от караула Турухаевского до фарпоста Турухайтуевского с частию Китайского государства и описание морского корабельного флота ранга сухопутного поручика Михайла Татарина в 1758 г.» с изображением китайских и русских караулов и маяков, а также – детальным описанием, с подробной характеристикой рельефа, вод, растительности, подножного корма [19; 29]; «Специальный план карты по нерчинской границе сочинен по ордеру Его высокопревосходительства господина тайного советника и сибирского губернатора Федора Ивановича Соймонова от Акшинской деревни до начала реки Амура. Начата съемкою 1759 г. мая 21 дня, окончена 1761 г. ноября 5 дня в масштабе 10 верст в дюйме» [28], на котором показан участок до р. Горбицы.

На основе съемок и карт отдельных участков приграничной территории в канцелярии сибирского губернатора составлялись генеральные карты Западной Сибири с детальным изображением русско-китайской границы и системы ее охраны. Две такие карты 1759 г. обнаружены нами в РГВИА [28, л. 1]. Наиболее детальна и интересна вторая из указанных карт, подписанная Федором Соймоновым и изображающая южную часть Сибирской губернии. На ней нанесена русско-китайская граница, все пограничные маяки с номерами, русские форпосты на Аргуни. Имеется подробная таблица – «Реестр поставленным маякам по китайской границе от речки Кяхты даже до Контайшинской границы, также и до караулов Цурухайтского ведомства при которых урочищах о том ниже сего».

В 1770-х гг. на основании всех съемок предыдущих лет, произведенных силами пограничного начальства и губернских властей, а также специально организованных топографо-геодезических работ и географических исследований был создан ряд детальных рукописных карт и описаний территорий, примыкавших к русско-китайской границе. Эти документы являются наиболее подробными картографическими источниками по территории аргунской границы, созданными в XVIII в. Это «Генеральная ландкарта границе, лежащей между Российской империей и Китайским государством, учиненная с карт, бывших для съемки по секретной с 1761 по 1765 и в 1771 и 1772 гг. инженер-офицеров комиссии и описаний географа Василия Шишкова, геодезиста в ранге поручика князя Ивана Шаховского, геодезии прапорщиков Федора Батакова и Андрея Шишкина от начал Амура до реки Ий, по которой значит разделение Тобольской и Иркутской губерний с показанием ситуации, разных рудников, минеральных гор, маяков, учрежденных караулов, назначенных для укрепления мест. Сочинена в Иркутске 1773 г.» [36]. Карта составлена в масштабе 24 версты в дюйме. Русско-китайская граница показана на ней подробно. В верховьях Аргуни, в районе русла р. Хайлар, острова между протоками Хайлара изображены принадлежащими Китаю. От устья Аргуни граница уходит далеко вверх по Шилке до Горбицы.

К «Генеральной карте границы...» 1773 г. приложено подробное географическое описание, в котором об Аргуни сообщается следующее: «Фарватер свой ежегодно переменяет, где бывает глубина, в том месте насыпает

банки; а где отмель – производит глубокий фарватер; а когда льдом покрывается или скрывается (вскрывается. – *А. П.*), берега обрывает: потому что лед из берегов не выходит» [32].

В 1774 г. по тем же источникам была составлена в более крупном масштабе (16 верст в дюйме) «Карта, представляющая часть границы, лежащей между Российской империей и Китайским государством, учиненная из разных описаний, бывших с 761-го по 765-й и с 769-го по 774-й годов...».

Материалы исследований 1761–1774 гг. служили основой составления карт русско-китайской границы вплоть до начала XIX в., о чем свидетельствует ряд документов конца XVIII – начала XIX столетия, сохранившихся в Российском государственном военно-историческом архиве. Следует отметить, что в показе принадлежности островов на Аргуни в устье р. Хайлара на этих картах нет никакого единообразия. Так, на копии начала XIX в. с карты Шишкова, Шаховского, Батакова, Шишкина и др. [21] острова в устье р. Хайлара показаны принадлежащими России, а на «Карте границе, содержащейся между Российской империей и Китайским государством от реки Ии до Горбиченского редута с показанием проектированных крепостей, редутов и содержащихся ныне караулов и маяков...» [41], составленной в конце XVIII в., те же острова даны нейтральными: русская граница проведена по западной протоке Аргуни, а китайская – по восточной.

В противоположность русской администрации, которая, как было показано выше, уделяла значительное внимание картографированию границы, установленной Кяхтинским (Буринским) трактатом, китайцы после съемок иезуитов 1708–1716 гг. вплоть до середины XVIII в. не занимались географическим изучением и картографированием этих территорий, представлявших собой далекие северные окраины империи, не вошедшие органически в её состав. Состояние географической изученности и освоения Приамурья маньчжурами в этот период хорошо иллюстрирует русская «Ландкарта с верных разных специальных китайских карт в бытность российского каравана в столичном китайском городе Пекине, собранных коллежским ассесором и директором Алексеем (Матвеевичем (?)) Владыкиным, которые и переведены тем же директором. Сочинена геодезии порутчиком Ермием Владыкиным и при нём будущим геодезистом Михаилом Башмаковым в 1755 г.» [46], выявленная нами в РГВИА. Скорее всего, при составлении этой карты Алексей и Ермий Владыкины использовали материалы съемок иезуитов 1708–1716 гг. «Ландкарта...» 1755 г., так же как карты иезуитов, показывает довольно много китайских поселений в нижнем течении Амура и отдельные их деревни на Среднем Амуре. Русско-китайская граница нанесена крайне схематично, причем на Аргуни она изображена проходящей значительно южнее устья Хайлара.

Первые известные науке детальные китайские съемки границы по Кяхтинскому (Буринскому) трактату были проведены в 1756–1759 гг. по приказу императора Цяньлуня иезуитами Феликсом де Роша (*Felix de Rocha*) и Хозе де Эспинья (*Joseph d'Espinha*) [45]. По материалам съемки иезуит Мишель Беност (*Michel Benoist*) издал в Пекине с гравюры на меди «Карту

Азии и Европы», иногда известную как «Атлас Цунь-луна»... По мнению Бадделея, карта была издана в 1760 или 1761 г. Картографическая библиотека Британской библиотеки датирует это произведение 1775 г. Эта карта крайне редка, так как была выпущена тиражом всего в 100 экземпляров. На листе карты (рулон 2), посвященном Приамурью, очень подробно изображено нижнее течение Амура с большим количеством китайских (маньчжурских) поселений. Из русских острогов нанесен Албазин и Нерчинск. В устье Аргуни (на российской стороне) показан пограничный знак, такой же знак изображен в устье третьего от Аргуни вверх по Шилке притока (Горбицы (?)).

В верховьях Аргуни нанесено два ряда русских и китайских пограничных маяков.

Разграничение владений Российской и Цинской империй по Кяхтинскому (Буринскому) трактату, конечно, находило отражение не только на детальных картах приграничных земель, но и на мелкомасштабных картографических произведениях, предназначенных для широкого круга читателей. Рассмотрим на нескольких наиболее характерных примерах особенности показа восточного участка русско-китайской границы на зарубежных и отечественных картах Азии, Сибири, Китая и Дальнего Востока с 1730-х гг. до начала XIX в.

В 1731 г. известный французский географ и картограф Д'Анвилль издал «Общую карту Китайской Татарии...» [22], на которой, по сути дела, отображены лишь итоги Нерчинского договора, так как вдоль р. Кербичи (Горбицы), впадающей в Амур ниже устья Аргуни, дана надпись: «Река Кербичи, которая разделяет Китайскую Татарию и Россию» (*Aigue Kerbetchi riva qui separe la Tartarie Chinoise de ta Russianne*). На всем своем остальном протяжении граница никак не обозначена. Эта карта, так же как карты течения р. Амура, были включены в «Общий атлас Китая, Китайской Татарии и Тибета» Д'Анвилля [43].

В 1785 г. атлас был переиздан аббатом Гросье, причем в этом издании добавлена «Новая карта Китайской Татарии» до пределов русской Татарии, на которой в устье второго левого притока выше устья Аргуни нанесен пограничный знак и в то же время вдоль Горбицы, впадающей ниже устья Аргуни, даны надписи «московиты» и «татары Китайские». Таким образом, в этом случае мы имеем явное противоречие в трактовке пограничной Горбицы не только между картами, входящими в состав одного атласа (так как карта Д'Анвилля в этом атласе помещена также), но и в пределах одной карты [42]. Карты королевского географа Франции Д'Анвилля послужили основой многих картографических произведений, издававшихся в западноевропейских странах в 1730–1740-х гг. В качестве примеров здесь можно назвать карты Ля Роша, Матвея Газия и Роберта Вогонди [17]. Граница на них показана проходящей по Кербичи, впадающей в Амур ниже устья Аргуни.

Русские обзорные карты этого периода, как правило, показывают в качестве пограничной реки приток Шилки, впадающий в нее выше устья Аргуни. Так, на первой печатной общероссийской «Генеральной карте о Российской Империи сколько возможно было исправно сочиненной трудом Ив.

Кирилова обер-секретаря Правительствующего Сената в Санкт Петербурге 1734» [25] граница изображена проходящей по пятому притоку, впадающему в Шилку выше устья Аргуни. На Амуре нанесено значительное количество населенных пунктов без надписей названий. Более детально показана русско-китайская граница на одной из итоговых карт Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции Витуса Беринга, хранящейся в РГВИА. Это «Карта меркаторская Якутской провинции и Камчатского моря, которая явствует, где лежит граница меж российских и китайских государств и где обретаются места донныне не разграниченные и сколь далече лежит западный берег Камчатского моря... Сочинял при команде флота господина капитана Чирикова в Якутске сентября месяца 1743 г. геодезии прапорщик Никифор Чекин, геодезист Иван Киндалов. С подлинной копировал при Морской академии ученик Василий Тимонин ноября 27 дня 1745 г. Учитель Василий Красильников» [2]. На карте имеется изображение границы, причем она проведена по Горбице, впадающей в Шилку выше устья Аргуни; из пограничных столбов нанесены лишь два на Аргуни (китайский и русский) у острова Урунской вблизи р. Маритка. В верховьях Аргуни показана слобода Купецкая. За Становым хребтом вдоль границы южнее р. Уди имеется надпись: «По сим рекам и по реке Тугуру якуцкие ясашные тунгусы, якуты и ламутки промышляют ясак всякого зверя, а дале люди китайской стороны их не пропускают».

Итогом развития русской картографии первой половины XVIII в. явился знаменитый «Атлас Российский», изданный Петербургской академией наук в 1745 г. Следует, однако, признать, что показ русско-китайской границы на картах этого атласа сильно уступает по детальности рассмотренным выше картам, составленным на местах пограничным начальством и иркутской администрацией. На картах атласа с изображением границы – «Генеральной карте Российской империи» и «Карте Иркутской провинции (№ 17)» – пограничная линия показана проходящей по Амазару, впадающему в Амур ниже устья Аргуни; пограничные знаки на них отсутствуют.

В «Атласе Российском» 1745 г. не были учтены результаты Камчатской экспедиции Витуса Беринга, поэтому для нужд сибирской администрации составлялись рукописные карты, исправленные по её результатам. В качестве примера можно назвать «Карту до Тоболска с Атласа Росискаго а от Тоболска с разных описаний и ваяжев Камчатской экспедиции...», составленную в мае 1746 г. [2]. На этой карте граница проведена от Аргуни вверх по Шилке и затем по Горбице.

«Атлас Российский» как фундаментальное академическое произведение оказал значительное влияние на картографическое отображение территории России и её азиатской части во всех последующих картографических произведениях, особенно создававшихся в рамках Петербургской академии наук. Академическим картографам были почти неведомы детальные работы, проводившиеся местными губернскими пограничными властями, и поэтому основу для них составляли карты «Атласа Российского» и материалы общегеографических и астрономических академических экспедиций. В результа-

те создавались карты, имевшие весьма мало деталей по русско-китайской границе, а подчас и просто ошибочные. Как пример ошибочного (устаревшего) показа может быть упомянута карта известного академического картографа Ивана Фомича Трускота (Трескота) (1719–1786 гг.) «Море Байкал с частями рек Лены, Аргуни, Селенги и Ангары с около лежащими уездами», изданная в 1772 г. Граница на этой карте показана проходящей от озера Далай по правому берегу Аргуни и далее – по Амуру до Тихого океана; обе Горбицы (и Большая, и Малая) показаны, но никаких признаков границ на них нет [44]. Ошибка в изображении границы была исправлена И. Трускотом уже в 1776 г. на «Генеральной карте Иркутской провинции, содержащей в себе Иркутскую, Якутскую и Удинскую провинцию» [26], где отображены результаты Кяхтинского (Буринского) договора и граница от устья Аргуни проведена вверх по Шилке до Горбицы, а от верховьев этой реки по хребту до океана. Так же показана русско-китайская граница на «Генеральной карте Российской Империи, 1783, ноября 24 дня» [23] и на «Генеральной географической карте, представляющей Иркутскую губернию, разделенную на пятнадцать уездов с нанесением Чукотской земли, Северовосточной (так в заголовке, правильно – северо-западной. – *А. П.*) Америки с Алеутскими и Курильскими островами и также часть Китайского государства с состоящими при границе крепостями и караулами, собранная с разных описаний в Иркутске 1797-го года» [38], составленной губернским землемером Турчаниновым.

В конце XVIII – начале XIX в. российская администрация начинает проявлять определенный интерес к китайским картам с изображением Приамурья и Приморья, о чем свидетельствует ряд документов, сохранившихся в фондах высших правительственных учреждений Российской империи, отечественных архивов и библиотек. Так, в Российском государственном военно-историческом архиве имеется карта Китая на китайском языке, о которой сообщается, что «сия карта доставлена из Китая в 1796 г. государыне императрице Екатерине II бывшим в Китае для обучения языка студентом Владыкиным» [37]. Эта карта составлена на 25 листах и основана, по видимому, на упомянутых выше съемках иезуитов Феликса де Роша и Хозе де Эпинья (1756–1759 гг.). На листах 5 и 6 показаны Амур, Уссури и Аргунь, граница не нанесена, и лишь в устье Горбицы показан китайский пограничный столб. На Уссури и Амуре (особенно в нижнем течении) изображено довольно много поселений; три маньчжурских поселка показаны, в частности, на амурском острове, расположенном в устье Уссури. На китайской карте конца XVIII – начала XIX в., сохранившейся в составе Императорской (Эрмитажной) коллекции Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, русско-китайская граница в Приамурье изображена грубо, приблизительно и явно тенденциозно в пользу Китая: на Аргунском участке она проведена западнее Аргуни (в устье Аргуни на российской стороне нанесен пограничный знак), а на Шилке – западнее Горбицы. На восточном берегу Аргуни и к западу от ее истока нанесены китайские караулы. Так же как и предыдущая, эта карта была составлена, судя по всему, по съемкам иезуитов.

Следует заметить, что наряду с картами, создававшимися иезуитами в европейской традиции, в Китае продолжали издаваться традиционные картографические изображения империи и окружающих ее «варварских» народов (к которым относились все народы Европы и Азии). Эти карты имеют очень древнюю историю, которая начинается, вероятно, с официальных атласов и карт империи IX–XII вв. Внутренний Китай (в пределах Великой Китайской стены) отображен на них довольно достоверно, однако все более поздние приобретения и «варварские страны» показаны с громадными искажениями, так как размещались они на очень узких полосах картографического изображения вдоль рамок карты, что приводило к значительному уменьшению масштаба и «сплющиванию» рисунка. Ряд карт этого типа сохранился в коллекции известного ориенталиста Бориса Андреевича Дорна (1805–1881 гг.), хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. В качестве примера назовем «Полную карту Цинской империи» с показом русской границы по северной рамке, вдоль которой тянутся реки Горбица и Амур, изображенные почти параллельными друг другу. Карта составлена в 1819 г., и на ней имеются рукописные переводы названий на русский язык.

Список литературы

1. *Артемьев А. Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. / А. Р. Артемьев ; отв. ред. Н. В. Кочешков ; РАН. Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Далинего Востока. – Владивосток, 1999. – 335 с.
2. Архив Академии наук (Санкт-Петербург). Ф. р-IX. Оп. 1а. № 48.
3. *Богданов Р. К.* Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 г. // Амурские казаки. – Благовещенск-на-Амуре, 2008. – Т. 2. – С. 11.
4. *Галданова Г. Р.* Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.) / Г. Р. Галданова. – Новосибирск : Наука, 1992. – 183 с.
5. *Гольденберг Л. А.* Михаил Федорович Соймонов (1730–1804) / Л. А. Гольденберг. – М. : Наука, 1973. – 192 с.
6. *Гольденберг Л. А.* Фёдор Иванович Соймонов (1692–1780) / 4 / Л. А. Гольденберг ; отв. ред. А. А. Новосельский ; Акад. наук СССР. – М. : Наука, 1966. – 173 с.
7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 738. Оп. 1. Ед. хр. Л. 30.
8. *Гурулев С. А.* Создание и обустройство Российско-Китайской границы в первой половине XIX в. Пограничный дозор [Электронный ресурс] // Русская Америка и Восточная Сибирь : материалы регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Кяхта, 14 августа 2009). – URL: <http://www.pribaikal.ru/project-item/article/13104.html>.
9. *Дмитриев А. В.* К вопросу о передислокации армейских регулярных частей в Забайкалье во второй половине 1750-х гг. Исторический ежегодник 2012 : сб. науч. тр. / гл. ред. А. Х. Элерт ; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск, 2012. – С. 243–254.
10. *Залкинд Е. М.* Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX века / Е. М. Залкинд. – М. : Наука, 1970. – 242 с.

11. Зуев А. С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX в. / А. С. Зуев. – Новосибирск : Ид-во НГУ, 1994. – 191 с.
12. Касьянов Ю. Л. Верхнеудинский казачий полк [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rb03.ru/articles/index.php?ELEMENT_ID=58829.
13. Константинова Н. Н. Нерчинская секретная экспедиция (9.12.1753–17.6.1765) // Малая энциклопедия Забайкалья: Международные связи / ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2012.
14. Павленко Н. И. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Вокруг трона. – М. : Мысль, 1998. – С. 439–486.
15. Постников А. В. Забайкальская экспедиция // Малая энцикл. Забайкалья: Международные связи / ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2012. – С. 233–235.
16. Постников А. В. Кяхтинский договор // Малая энцикл. Забайкалья: Международные связи / ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2012. – С. 338–340.
17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 423. Оп. 1. № 28.
18. РГВИА. Ф. 423. Оп. 1. № 161.
19. РГВИА. Ф. 424. Оп. 1. № 23.
20. РГВИА. Ф. 424. Оп. 1. № 24.
21. РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. № 103.
22. РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. № 106: Atlas General de la China; servir a la description generale de cet Empire. Redigéé par M. l'Abbé Grosier, Chanoine de Saint Lois du Louvre. (A Paris, 1785): n. 35(54) – Nouvieme Feuille particuliere de la Tartarie Chinoise, ou ses Limites avec la Tartaria Rusienne soud exposés.
23. РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. № 110.
24. РГВИА. Фонд ВУА. № 18531: Обзор пограничной линии с китайскими владениями. Составил капитан генерального штаба Агте в 1844 г.
25. РГВИА. Фонд ВУА. № 20227.
26. РГВИА. Фонд ВУА. № 20258.
27. РГВИА. Фонд ВУА. № 25553.
28. РГВИА. Фонд ВУА. № 25556.
29. РГВИА. Фонд ВУА. № 25559.
30. РГВИА. Фонд ВУА. № 25560.
31. РГВИА. Фонд ВУА. № 25561.
32. РГВИА. Фонд ВУА. № 25562.
33. РГВИА. Фонд ВУА. № 25572.
34. РГВИА. Фонд ВУА. № 25590.
35. Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) (РО РНБ). Ф. 342. Оп. 1. № 761.
36. РО РНБ. Ф. 342. № 1192.
37. РО РНБ. Ф. Дорн. № 775.
38. РО РНБ. Ф. Кит. н. с. № 93.
39. Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках: Ист. очерк-хроника / Н. Н. Смирнов ; под ред. С. И. Рябова, Ю. Ф. Болдырева. – Волгоград : Волгогр. ком. по печати, 1994. – 608 с.
40. Трут В. П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций / В. П. Трут. – М. : Эусмо, 2007. – 238 с.
41. Baddeley John F. Russia, Mongolia, China, Being some Record of the Relations between them from the XVIIth Century to the Death of the Tzar Alexei Mikhailovich A. D. 1602–1676, rendered mainly in the form of Narratives dictated or Written by the Envoys

sent by the Russian Tzars or their Voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol Khans and Princes; and to the Emperors of China with Introductions, Historical and Geographical. Also A series of Maps showing the progress of Geographical knowledge in regard the XVIth, XVIIth and early XVIIIth Centuries, the texts taken more especially from Manuscripts in the Moscow Foreign Office Archives... Vol. 1, (London : Macmillan and Co., 1919): CLXX.

42. BLML, K.TOP. CXII/7.

43. BLML, K.TOP. CXII/10: Etat de Moscovie dedies A Monfeigur le Comte de Mourepas, Ministre et Secretaire d'Etat. Par son tres Humble et tres Obeissant Serviteur le Rouge. Ingenieur et Geographe du Roy. (A Paris: Rue des Augustines, 1744); Ягеллонская библиотека (г. Краков, Польша), М35/40: Imperii Russici et Tatariae Universae tam majoris et Afriaticae... Tabula Ioh Matthiae Hasii Math P. P., (A. 1739).

44. BLML, K.TOP. CXII/14.

45. BLML, K.TOP. CXIV/46: Carte generale de la Tartarie Chinoise.

46. BLML, Maps, I TAB, b, c: A map of Asia and Europe, sometimes known as the Ch'ien Lung atlas, based on surveys by the Jesuit Fathers Felix de Rocha and Joseph d'Espinha 1756-59, engraved on copper at the command of the Ch'ien Lung Emperor by Father Michel Benoist at Peking (1775).

Border Control Arrangements and Mapping of the Regions, Delimited between the Russian Empire and the Qing Empire under the Nerchinsk (1689) and Kyakhta (1727) Treaties

A. V. Postnikov

Vavilov Institute for History of Science and Technology RAS, Moscow

Abstract. The history of the Russian Cossacks of Transbaikalia and their role in the Russian borders control were highlighted in the first decades of the XXth century. The works by A. R. Artemyev, A. S. Zuyev, N. N. Smirnov, V. P. Trut, and Yu. L. Kasyanov should be mentioned among publications on this subject. In particular Dmitriyev A. V. studied the border control by the regular army's units. The author, considering the research results of the mentioned above scientists, on the basis of archival data examines the difficulties in the activity of the Transbaikalia Cossacks and the regular army's units, concerned geographical research and mapping of border areas.

Keywords: border control, Kyakhta, Cossack Army, mapping of border areas.

Постников Алексей Владимирович
профессор, доктор географических наук
Институт истории естествознания и
техники им. С. И. Вавилова
Российская академия наук
125315, г. Москва, ул. Балтийская, 14
тел.: 8(495)988-22-80
e-mail: postmaster@ihst.ru

Postnikov Aleksey Vladimirovich
Professor, Doctor of Sciences
(Geography)
Vavilov Institute for History of Science
and Technology RAS
14, Baltiyskaya st., Moscow, 125315
tel.: 8(495)988-22-80
e-mail: postmaster@ihst.ru